

XX 248
43

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МОСКОВСКОЙ
АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

XX 277
36

XIX-181.

К Н И Г А
ОДИННАДЦАТАЯ
Н О Я Б Р Ъ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1929

1. Э. М. РЕМАРК.— «На Западе без перемен». 2. Д. ХАЙТ.— «Кровь», «Дом на песке», «Перепутье». 3. ДМИТРИЙ ПЕТРОВСКИЙ. 4. М. БАХТИН.— «Проблемы творчества Достоевского». 5. «Чеховская юбилейная литература».

Э. М. Ремарк. «На Западе без перемен». Авториз. перевод с немецкого С. Мятезного и П. Червина под ред. А. Эфроса, «Федерация». 1929 г. Стр. 298. Ц. 1 руб. 10 коп.

То же.—Перевод под ред. Уманского «ЗИФ». 1929 г. Стр. 224. Ц. 35 коп.

Книга Ремарка — «дневник» добровольца, убитого к концу мировой войны, в октябре 1918 г., в день, когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военная сводка ограничилась одной только фразой: «На западном фронте без перемен».

О довоенном прошлом добровольца мы узнаем, что он только готовился к жизни, еще учась в гимназии и проникаясь «классическим просвещением», идеалы которого должны были явиться для него надежными шорами.

Но «первый же ураганный огонь... поверг в прах то мировоззрение, которому (его) учили». Таким образом мировоззрение это оказалось негодным даже и с точки зрения практических интересов поддержания того строя, укреплению которого оно должно было служить. Более эффективной в этом последнем отношении оказалась система жестокой казарменной муштры, которая, будучи нецелесообразной в военно-техническом отношении, явилась зато средством необходимого изменения психологии солдат: «Мы стали жестокими, недоверчивыми безжалостными, мстительными, грубыми, — и это был хорошо, так как именно этих свойств нам нехватало».

«Идеализм» же, воспитанный на образцах классической литературы, сме-

нился на фронте «материализмом», под которым в дневнике наивно разумеется стремление к удовлетворению «животных» потребностей человека.

Инстинктивной стороне жизни солдата уделено чрезвычайно много внимания в книге. Но при этом проявления инстинктов — боли, голода и пола — изображены вне системы целеустремленного (пусть лишь для выполнения разрушительных задач!) «производительного» поведения солдата. Поэтому солдат представляется сознанию читателя лишь биологической особью, случайно попавшей в губительную среду, а не участником социально обусловленного, сознательно организуемого и управляемого процесса.

Ремарк отправил на фронт своего добровольца прямо со школьной скамьи: он еще заставляет его иногда забываться на фронте для того, чтобы, аргументируя действием силы психической инерции, — показать читателю, насколько «нормальный» человек стремиться освоить «ненормальные» впечатления фронта, как явления привычного (а по Ремарку тем самым и единственно «законно» мыслимого) мира. И здесь Ремарк наново, с несомненной удачей, достигает своей цели, «безыскусственно» пользуясь старинным приемом первоначального «неузнавания». Таков, например, эпизод, когда солдату кажется, что он заснул на празднике в саду; пробудившись, он видит, что вокруг него не фейерверк, а боевые ракеты. И так же на ряду с этим безудовольная «неестественность» всякой войны подчеркнута тем, что прибывшему в отпуск солдату «ненормальной» вдруг

кажется после фронта уже «нормальная» жизнь в тылу.

Война соответственно изображается «вообще» бессмысленным массовым взаимоубийством, «недопустимое» противоречие которого самому «существованию» человека и мирной природы и является идейной основой книги.

Такому рассредоточенному мировосприятию соответствует также самое построение книги, форму которой называть «дневником» приходится лишь условно.

Как на неразрезанном еще листе переводных картинок вперемежку расположены животные, растения, оружие и ландшафты, объединенные лишь общей всем им яркостью, столь привлекательной для детского восприятия, так и в книге Ремарка по признаку разительности закреплены отдельные картины.

При этом наиболее сильное впечатление производят в книге Ремарка не описания батальных ужасов (мы не мало уже о них читали и в других книгах о мировой войне), а изображение психологического несоответствия между «нечеловеческим» поведением солдата и его же «естеством».

Надо сказать, однако, что в разговорах второстепенных героев книги, казалось бы, нет недостатка в материале для уяснения классового характера империалистической войны.

Уже в начале книги, хоть и несколько расплывчато, говорится о том, что «бедные», в отличие от «богатых», сразу восприняли войну как несчастье. В дальнейшем же прямо сказано, что каждый унтер-офицер для немецкого солдата худший враг, нежели русский солдат, и приведено рассуждение о том, что вот «мы, немцы, защищаем родину, но и французы делают то же». Между тем наши профессора, пасторы и газеты говорят, что одни мы правы... но и французские профессора, патеры и газеты утверждают, что только они правы». «Мы почти все простые люди. И во Франции большинство людей тоже рабочие, ремесленники или мелкие служащие. Почему же должен французский слесарь или сапожник нападать на нас? Нет, тут одни правительства».

При этом солдат Тьяден говорит, что одна страна не может оскорбить другую страну, как гора в Германии не может оскорбить французскую гору; он же, крестьянин Тьяден, не чувствует себя оскорбленным. На указание о том, что оскорблен народ в целом, то есть государство, Тьяден с донныне завидной для многих профессоров государственного права точностью объясняет, что такое государство: «Жандармы, полиция, сборщики податей — вот ваше государство».

И тем не менее книга в целом не активизирует социальное сознание читателя, воздействуя на него лишь отрицательно, т. е. внушая только отвращение к войне. Объясняется это тем, что автор по преимуществу, так сказать крупным планом, показывает пробуждение в главном герое не классового сознания, а инстинктивной жизни, пробуждение «естественного человека» в порядке защитной реакции организма. Лучшие же коллективистические чувства, возникающие и на фронте, показаны развивающимися не в направлении осознания общеклассовой солидарности трудящихся, а по руслу товарищества, содружества «естественных людей».

Преимущественно отдавая свое творческое внимание изображению страданий биологического человека и проявлений инстинктивного общеживотно-человеческого начала, на основе которых и создается, как сказано, общая картина фронтовой жизни, автор тем и отвлекает читателя от осознания социального смысла войны, представляющейся, таким образом, лишь «вообще» бессмысленным уничтожением массы индивидуумов, «естественных» людей.

Поэтому беспомощным кажется пацифизм очередного призыва: «Следовало бы весь мир привести вот к этой кровати и сказать: это Франц Кеммерих, девятнадцать с половиной лет, он не хочет умирать. Не дайте ему умереть».

Книга Ремарка была написана несколько лет тому назад; но только за последнее время она издана и распространена по Европе полуторамиллионным тиражем.

Социальный смысл такого явления понятен теперь, когда мелкая буржуазия, пострадавшая от войны, убедилась в иллюзорности своих представлений о том, что дальнейшие жертвы с ее стороны являются временными и необходимыми еще лишь в восстановительно-реконструктивный период.

Теперь, во времена окончательного разочарования, книга Ремарка помогает этим слоям подытожить свое отношение к «бессмысленной» (оказывается!) войне.

Вместе с тем книга Ремарка, по мнению ее автора, не является ни обвинением, ни исповедью и лишь пытается «рассказать о поколении, уничтоженном войной, хотя и избежавшем ее снарядов».

Осознание же «бессмысленности» империалистической войны на ряду с субъективной невозможностью понять ее как неизбежное последствие капиталистической системы на ряду с отказом от «обвинения» этой системы и является ведь, как известно, характерным как раз для психологии мелкобуржуазного пацифизма.

Давид Хаит.—«Кровь». Изд. «Недра». 1928 г. Стр. 161. Ц. 1 руб. 30 коп. **Его же.**—«Дом на песке». «Федерация». 1929 г. Стр. 111. Ц. 1 руб. 65 коп. **Его же.**—«Перепутье». «Федерация». 1929 г. Стр. 283. Ц. 2 руб. 25 коп.

Есть целый ряд писателей, которых более или менее охотно печатают и о которых критика молчит. К таким именно писателям относится Давид Хаит. Художественная система его мало самостоятельна,—в основном может быть отнесена к традициям еврейской литературы. Но все же было бы несправедливо лишать его творчество самостоятельного значения. Он смог свой материал из жизни еврейских ремесленников повернуть под своим углом, с более отчетливым, по сравнению со своими предшественниками, общественным напором раскрыть всю безысходность бытовых условий еврейских ремесленников при царизме, обрекающем одних на нищету, толкающем других на путь капитализации, путь, возможный для немногих, но кажущийся большин-

ству из них единственно спасительным. Такова его повесть «Дом на песке», где герою удалось достигнуть как будто полного благополучия (он первый закройщик в городе), но за счет полного разложения семьи. Но наиболее рельефен в этом отношении его роман «Алагирная улица». Центральный герой его—Борис Брондес, бедный портной из черты оседлости, где «портные налетали на работу, как саранча, и сбивали цены», где в комнате от уюта «плавал удушливый синий дым». Единственный путь к избавлению от такого полунищенского состояния—во что бы то ни стало выбиться в капиталисты, хотя бы для того, чтобы иметь собственный дом, где не надо будет бояться, что хозяин из-за большого количества детей выгонит на улицу. Да и мало ли причин местечковому портному ненавидеть свое ремесло! Надо все усилия направить на то, чтобы детей не постигла та же участь, вывести их в люди. Поэтому же надо самым жестоким образом выбивать из их головы всякую блажь, препятствующую их «устройству». Проистекающие отсюда коллизии и являются основным моментом во всех произведениях Д. Хаита, а в данном романе в частности. Один из сыновей Бориса Брондеса, Исидор, не желал быть «настоящим человеком» и в результате жестоких избиваний окончательно порвал с отцом. Все попытки Брондеса к обогащению потерпели с наступившей революцией полный крах. Дети его оказались никчемными людьми, высасывающими из него последние деньги. Даже сын его Илья, обнаруживший коммерческие наклонности и таким образом, как будто долженствующий быть настоящим человеком, висит на его шее. («Илюша, ведь ты же у нас человек! У тебя такая голова на плечах и ты опять приехал до отца с матерью»). И лишь тот сын, которого он считал погибшим, тот, который «плевал хозяину в лицо», нашел свое место в жизни, став ее активным строителем. Разочаровавшись во всем, Брондес тщетно направляет всю свою энергию на примирение с сыном: «Все сосут меня. Лишь он молчит. Он не отвечает. Он плюнул на меня» и т. д. Все сказан-